

ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫН ОҚЫТУДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ-ӘДІСНАМАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Абенев Данияр Едельханович, Әлібай Жаңагүл Дәулетқызы

Костанайский государственный педагогический институт
г. Костанай, Республика Казахстан

«Один в поле не воин», или все-таки воин? Повседневность как раз доказывает эту поговорку, погружая нас в мир «простых» людей, чьими руками строятся семьи, дома, воздвигаются и падают в бездну государства, империи. Повседневность – это любовь и ненависть, счастье и горе, жизнь и смерть. Повседневность – это мы, мы все. Люди рождаются и умирают, но в памяти людей и историков остаются только революции, войны, дипломаты. Хотя именно повседневность позволяет приподнять ширму и узнать что такое настоящий непосредственный мир.

К истории повседневности исследователи обратились впервые еще в древние века. Активно направление начало развиваться, когда в результате споров родилось понятие «история повседневности». Перед историками встали вопросы: как объяснить поведение простого человека? все ли можно понять в истории, если обращать внимание только на общие процессы и явления [1]?

Сам термин «повседневность» был использован З. Фрейдом в 1904 в книге «Психопатология повседневной жизни». В своей работе, которая является в сущности следствием его теории ошибочных действий, он характеризует повседневность бессознательной детерминацией психических актов, и утверждает, что она не справляется в обширном виде случаев с властью бессознательного и закономерно порождает заблуждение. Более того, порождения заблуждений оказывается атрибутом повседневности [2]. Ф. Бродель ввел это понятие в широкий научный оборот. Признавая, что само название «далеко не идеальное обозначение» сути повседневной истории, «принятое за неимением лучшего», А. Людтке считает, что оно оправдывает себя как «краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения» [3].

Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого произошло в конце 60-х гг. XX века в рамках историко-антропологического поворота в мировом гуманитарном знании [4]. Впервые антропологический подход был использован в изучении прошлого французскими историками М. Блоком [5] и Л. Февром, которые рассматривали реконструкцию повседневности как элемент воссоздания истории в ее целостности [6]. Их сторонники группировались в 1950-е гг. вокруг журнала «Анналы». Продолжатели традиции первых двух поколений школы «Анналов» ставят в центр своих исследований общую реконструкцию «картины мира» определенной эпохи, социума, группы. Приверженцы данного направления пытаются проникнуть в сознание людей, их внутреннюю, духовную жизнь, и поэтому история как наука приобретает новое измерение, которое условно можно назвать «историей изнутри» [7].

Немецкий исследователь А. Людтке отмечал, что история повседневности фокусируется на анализе поступков тех, кого называют «маленькими, простыми, рядовыми

людьми», на «детальном историческом описании их душевных переживаний и воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее» [3]. По мнению А. Я. Гуревича, историк в состоянии завязать диалог с людьми иной культуры и эпохи, пытаясь проникнуть в строй их мыслей и чувств, в тайны их сознания [8].

Особую значимость имеет микроисторическое направление в истории повседневности. Зарождение микроистории относится к концу 70-х гг. XX столетия. Данный подход получил распространение в германской и итальянской историографии. У истоков микроистории стояли такие историки как К. Гинзбург, Э. Гренди, К. Пони и др. Исследователи «призывали молодое поколение переориентировать научные труды и обратить все силы на изучение микроисторий отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов, а также проблем культуры как способа понимания и обобщения повседневной жизни и поведения в ней» [9].

Х. Абельс в работе «Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию» рассматривает ключевую категорию анализа повседневности А. Шюца – «жизненный мир». Повседневный жизненный мир, по А. Шюцу, является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью. Жизненный мир изначально воспринимается как мир, общий с другими людьми. «Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, т.к. любое положение дел, которое до поры до времени является для нас проблематичным». В своей книге он изложил базовые понятия теоретической основы интерпретативной социологии, исторические этапы развития в творчестве Дж. Мида, Г. Блумера, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, Г. Гарфинкеля и, что особенно ценно, в ней дается целостный анализ творчества представителя социально-драматургического подхода в социологии И. Гофмана [10].

Крупный немецкий историк повседневности, историк-социолог Н.Элиас в работах «О понятии повседневности», «О процессе цивилизации», «Придворное общество» говорит о том, что человек в процессе жизни впитывает в себя общественные нормы поведения, мышления и в результате они становятся психическим обликом его личности, а так же, что как форма человеческого поведения изменяется в ходе общественного развития.

На примере французского королевского двора XVII – XVIII вв. исследуется такой общественный институт, как «придворное общество» – совокупность короля, членов его семьи, приближенных и слуг, которые все вместе составляют единый механизм, функционирующий по строгим правилам. Автор показывает, как размеры и планировка жилища, темы и тон разговоров, распорядок дня и размеры расходов – эти и многие другие стороны жизни людей двора заданы, в отличие, например, от буржуазных слоев, не доходами, не родом занятий и не личными пристрастиями, а именно положением относительно королевской особы и стремлением сохранить и улучшить это положение [11].

В книге «О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования» изложена его оригинальная концепция цивилизации, основанная на данных истории, антропологии, психологии и социологии. В этой книге Н. Элиас вводит понятия «социогенез» и «психогенез» а также развивает свою теорию, согласно которой манеры и нормы поведения людей напрямую связаны с социальными и политическими изменениями. Концепции Н. Элиаса до сих пор считаются актуальными, а сам он причисляется к классикам культурологии и социальной истории.

Так же Н. Элиас пытался дать определение «истории повседневности». Он отмечал, что нет точного, четкого определения повседневности, но он пытался дать определенное понятие через противопоставление не-повседневности. Для этого он составлял

списки некоторых способов применения этого понятия, которые встречаются в научной литературе [12].

П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» рассматривают повседневную жизнь как реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. Реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь-и-сейчас», что является фокусом внимания авторов к реальности повседневной жизни. Они обращаются к повседневной реальности в ее осмыслении рядовыми членами общества. Изучают, какое влияние оказывают на эту реальность повседневной жизни теоретические построения интеллектуалов и прочих распространителей идей. Не менее важным в исследовании ученых считается язык, возникшей в повседневной жизни и тесно связанный с ней. Кроме того, он соотносится с реальностью, которую авторы воспринимают с бодрствующим сознанием и которой управляет прагматический мотив (т.е. совокупность значений, имеющих непосредственное отношение к настоящим и будущим действиям), которую исследователи разделяют с другими людьми как нечто само собой разумеющееся. Хотя язык может использоваться и по отношению к другим реальностям, но даже и тогда он сохраняет свои корни в реальности повседневной жизни. Как знаковая система язык имеет качество объективности. Когда мы сталкиваемся с языком, как с внешней фактичностью, то он оказывает на нас свое принудительное влияние. Мы не можем пользоваться правилами немецкого языка, когда говорим по-английски. Язык раздвигает свои рамки так гибко, что позволяет объективировать огромное множество переживаний на протяжении всей жизни. Благодаря своей способности выходить за пределы «здесь-и-сейчас» язык соединяет различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое [13].

Х. Абельс в работе «Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию» рассматривает ключевую категорию анализа повседневности А. Шюца – «жизненный мир». Повседневный жизненный мир, по А. Шюцу, является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью. Жизненный мир изначально воспринимается как мир, общий с другими людьми. «Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, т.к. любое положение дел, которое до поры до времени является для нас проблематичным». В книге автор изложил базовые понятия теоретической основы интерпретативной социологии, исторические этапы развития в творчестве Дж. Мида, Г. Блумера, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, Г. Гарфинкеля и, что особенно ценно, в ней дается целостный анализ творчества представителя социально-драматургического подхода в социологии И. Гоффмана [14].

Новое понимание прошлого родилось как история снизу, дав голос «маленькому человеку», сделав интересным для потомков его поведение и жизненные ориентиры. В 1980 г. – 1990-е г. германо-итальянская школа микроисториков расширилась. Ее дополнили американские исследователи, сторонники новой культурной истории, также некоторые представители третьего поколения школы «Анналов» (Ж. Ле Гофф, Р. Шартье).

С этим влиятельным направлением мировой исторической науки русскоязычная научная общественность познакомилась только в середине 1990-х гг. Были переведены программные статьи крупных теоретиков и практиков: К. Гинзбурга, Д. Леви, Э. Гренди, Х. Медика, Ж. Ревеля. Большая заслуга в популяризации микроанализа в исторических исследованиях принадлежит Ю.Л. Бессмертному, который в течение ряда лет руководил семинаром по истории частной жизни в Институте всеобщей истории РАН. С 1997 г. он и его коллеги стали выпускать альманах «Казус: индивидуальное и уникальное в истории» [15].

Известный российский социолог, специалист в области социологии культуры, Л.Г. Ионин приводит и анализирует выделенные А. Шюцем конституирующие элементы повседневности, которые рассматриваются как особая форма реальности. Среди них выделяются: трудовая деятельность, специфическая уверенность в существовании мира, напряженное отношение к жизни, особое переживание времени, специфика личностной определенности действующего индивида, особая форма социальности. Автор пишет, что черты новой культурной эпохи проявляются не только в науке и философии, но и в повседневной жизни. Показывает специфику современной повседневности именно как повседневности эпохи модерна [16].

Следует отметить, что микроистория как самостоятельное направление исследований и метод реконструкции прошлого еще находится в стадии становления. Для нее характерна неопределенность понятийных формулировок, дискуссии в отношении предмета, сферы применения микроанализа, о соотношении микро – и макроподходов.

Например, ученые по-разному понимают сущность микроподхода, Н.Б. Лебина полагает, что микроисследование – это, прежде всего метод, в котором главное выбрать типичный объект, а в дальнейшем экстраполировать полученные на микроуровне выводы на совокупность макроявлений. Для Дж. Леви микроистория означает «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях». По мнению, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, микроистория изучает мелкие объекты, не занимаясь рассмотрением явлений в подробностях [17].

Интерес к повседневности советских историков был крайне слаб и проходил при неуклонном выполнении идеологических установок. Проявлялся он в исследованиях, посвященных проблемам истории рабочего класса. Но специфика методологии и партийный диктат приводили к тому, что официальная история рабочего класса приходила в противоречие с реалиями настоящего. Стержнем истории советского рабочего класса считалось его неуклонное поступательное движение к социализму и коммунизму [18].

Основное внимание исследователей было направлено на рассмотрение источников пополнения рабочего класса, на количественные и качественные изменения в его рядах (повышение образовательного уровня и профессиональной подготовки, культурный и духовный рост, улучшение уровня жизни). Исследовательскую базу источников составляли документы высших партийных и государственных органов власти, статистические источники.

Важно отметить, что в каждом исследовании давался достаточно подробный историографический обзор. Наряду с этим, выходили специальные работы, посвященные непосредственно историографии рабочего класса.

Кроме монографических исследований, было опубликовано большое количество специальных статей, освещавших проблемы образования, технического творчества и охраны труда рабочих [19].

Весомый пласт историографии представляют региональные исследования, в которых на основе большого количества архивных материалов рассматривались вопросы численности, повышения уровня образования и технических знаний, уровня жизни рабочих.

Стоит отдельно остановиться на специальных исследованиях, посвященных движению за коммунистическое отношение к труду [20]. Советские историки, конечно, больше писали о положительных моментах в развитии движения за коммунистический труд, но многие исследователи отмечали и недостатки: такие как погоня за массовостью, формализм в присвоении званий, недостаточное внимание к повышению культурно-технического уровня, к воспитанию людей в духе коммунистической морали. Наиболее полный историографический обзор проблемы был дан в монографии Е.Э. Бейлиной.

Монография Б.А. Грушина [21] отличалась тем, что выводы автора строились на основе опроса 500 лучших коллективов коммунистического труда, проведенного в августе-ноябре 1961 г. Автором были сделаны важные выводы о характере движения за коммунистический труд и особенностях массового сознания того времени.

Данным вопросом занимались и региональные исследователи, уделявшие основное внимание роли партии в развитии соцсоревнования.

Крушение официальной истории рабочего класса произошло в период перестройки и гласности. Исследователи начали отмечать низкую производительность труда, безразличие к производственным обязанностям, безынициативность, отклонения в трудовой этике, растущее пьянство в рабочей среде. Прежняя история рабочего класса стала считаться реликтом советского прошлого. Какие-либо разработки в той области из престижных превратились в крайне не популярные [22].

В современной отечественной историографии также имеются работы, посвященные истории повседневности. В работах казахстанских демографов М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева, В.В. Козиной рассматривается демографическое развитие региона в послевоенные годы [23]. Вопросы питания, продовольственного снабжения, уровня и качества жизни городского населения Центрального Казахстана частично были затронуты в трудах Ж.Б. Абылхожина, З.Г. Сактагановой, посвященных социально-экономическому развитию Казахстана в изучаемый период [24].

Одним из казахстанских ученых рассматривающих историю повседневности является Сулейменов Т.А., в своей статье «Структуры повседневности кочевой цивилизации» он проводит разбор значения повседневности в ракурсе кочевой цивилизации. Опираясь на исследования французской исторической школы «Аналлы», он представляет структуру повседневности кочевой цивилизации в виде пирамиды. Первое – пространство кочевья, как часть физического пространства, жизненный ареал кочевого социума, ограниченный естественными и экологическими границами. Естественными рубежами пространства кочевья выступают горные хребты, моря, леса, реки, которые выступали как преграды для передвижения скота. Экологические границы пространства кочевья определялись параметрами жизнедеятельности скота. Следующей структурой повседневности кочевой цивилизации были животные. Выступая как самое главное богатствономада, скот служил не только пищей, но и удовлетворял самые разнообразные потребности людей: предоставлял сырье для изготовления одежды и предметов домашнего обихода, был средством обмена при различных обстоятельствах. Венчает структуры повседневности кочевой цивилизации вещный мир, включающий переносное жилище, одежду, предметы домашнего обихода, конское снаряжение, орудия труда, оружие, детские игрушки, различного рода инструменты, в том числе и музыкальные [25].

В 2007 году в журнале «Вестник КарГУ» вышла статья З.Г. Сактагановой и К.К. Абдрахмановой под названием «История повседневности» в современной российской историографии». В работе ученых был проведен анализ основных вопросов историографии проблемы «история повседневности» в современной российской исторической науке, который позволяет сделать вывод о том, что в 1990-е годы отдельные аспекты проблемы «история повседневности» изучались в рамках «микроистории». С 2002 года открылся Научный Совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» под председательством академика Ю.А. Полякова. Авторы пишут о распространении интереса к изучению советской повседневности, о росте интереса среди исследователей от «центральных» областей России к «периферийным». Но несмотря на имеющуюся литературу, до сих пор отсутствует четкое определение «истории повседневности» [26].

Именно историки повседневности сделали изучение каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий с представителями администрации темой «новой рабочей истории» и новой истории труда, ставших впоследствии самостоятельными «историями» [27].

Предметом исследования историков стали не ключевые исторические события или великие идеи, а повседневная жизнь простых людей, изменения в их жизни и изменения в них самих вместе со временем. Речь идет о «маленьких людях», безымянных участниках исторического действия, не всегда творящих историю, но испытывающих на себе сокрушительную силу ее колеса [28].

Таким образом, в мировой науке существуют два понимания истории повседневности: как реконструкция ментального макроконтекста событийной истории, и как реализация приемов микроисторического анализа.

Список литературы

1. История через повседневность: новый ракурс преподавания истории XX века 17/11/2009 // <http://www.urokiiistorii.ru/learning/method/2009/11/istoriya-cherez-povsednevnost>
2. Фрейд З. Психопатология повседневной жизни. СПб., 1997. С.73.
3. ЛюдткеА. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 77.
4. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3.
5. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
6. Вамбольдт Н.В., Шубина М.П. Повседневность в истории // Электронный научный журнал. Вестник Омского государственного педагогического университета. Выпуск 2006: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-27.pdf>
7. Гуревич А.Я. Всеобщая история: Дискусии, новые подходы // Вып. 1., М., 1989, с.75-89.
8. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 26.
9. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности. С. 7.
10. Х. Абельс. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. Пер. с нем. под общей ред. Н.А. Головина, Б.Б. Козловского. Изд. «Алетейя». СПб. 2000. С. 272. Стр 74.
11. Элиас Н. Придворное общество. Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Парлова, Е.А. Прудниковой, А.К. Судакова. М. 2002. С.368.
12. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Парлова. СПб. 2001. С.945
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995 – С. 323. стр.12-24.
14. Х. Абельс. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. Пер. с нем. под общей ред. Н.А. Головина, Б.Б. Козловского. Изд. «Алетейя». СПб. 2000. С. 272. Стр 74.
15. Шлюмб Ю., Кром М., Зоколл Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 21.
16. Ионин Л.Г. Социология культуры. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – С.427. стр. 208.
17. Савельева И.М., Полетаев А.В. Микроистория и опыт социальных наук // Социальная история. Ежегодник. 1998/ 99. М., 1999. С. 114.
18. Смирнов А.В. Главный источник нашей силы: рабочие промышленности СССР 1945–1970 гг. М., 1984. 200 с.
19. Разуваева Н. Н. Старые концепции и новые подходы: рабочий класс СССР в исторической литературе // Вопросы истории. 1988 . № 1. С. 49-61.
20. Фельдман М.А. Формирование трудового коллектива Уралмашзавода в 30-е гг. XX века. <http://hist.usu.ru/dais/articles/4/Feldman.doc>.
21. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 624.
22. М. А. Фельдман Рабочие России в начале XXI в.: на пороге социального государства. <http://ural-yeltsin.ru/usefiles/destiny/Feldman.doc>.

23. Жилищные условия в городах Центрального Казахстана в 1945-1953 гг. // Вест. КазНУ. Сер.истор. – 2007. – № 3 (46). – 215 с. – С. 160-166.
24. «История городской повседневности» в российской историографии // «Наука и образование – 2007: Сб. материалов междунар. науч. конф. молодых ученых. – Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2007. – Ч.4 а. – 199 с. – С. 4 – 8.
25. Сулейменов Т.А. Структуры повседневности кочевой цивилизации // Вестник ун-та «Кайнар» – 2007 – № 3/2. Стр.47-52.
26. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. «История повседневности» в современной российской историографии // Вестник КарГУ. Сер.история, философия, право. – 2007. №1 – стр.228-235.
27. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности. С. 12.
28. Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. М., 1990. С. 184.

ТАРИХИ ЗЕРТТЕУЛЕРДЕ ЖАЛПЫ ҒЫЛЫМИ ӘДІСТЕРДІ ПАЙДАЛАНУ

Бижанова Гүлзада Хамитбекқызы

Ы.Алтынсарин атындағы Арқалық мемлекеттік педагогикалық институты
Арқалық қ., Қазақстан Республикасы

Белгілі бір зерттеу мақсатында барлық ғылым саласында пайдаланылатын әдістерді жалпы ғылыми әдістер деп атайды. Олардың тарихи зерттеуде көмегі әрқилы, кейбір тарихшылар өз зерттеулерінің эмпирикалық және теориялық деңгейлерінде нақты бір нәтиже алу үшін кеңінен пайдаланады. Ал, енді кейбіреулері тек өте кең арналы танымдық мақсаттарды шешу үшін пайдаланады. Сонымен, жалпы ғылыми әдістер екі топқа бөлінеді екен. Бірінші топқа бақылау және эксперимент, баяндау және өлшеу, анализ және синтез, индукция және дедукция кіреді. Екінші топқа жататындары тарихи және логикалық, нақтылы және абстракция, модельдеу және интуиция әдістері

Тарих ғылымында синхрония (логикалық әдіс) пайдаланылады. Яғни, зерттеу объектісі немесе тарихи оқиға белгілі-бір кеңістікте өтеді. Оқиғаның функциялары мен құрылымы жүйе құрайды.

Осы оқиға белгілі-бір уақыт шеңберінде өтеді. Мұны ғылымда дихрония (тарихи әдіс) деп атайды. Осы әдістер кейде өз алдына пайдаланылады, кейбір жағдайда екеуінің бірі ғана зерттеуші қажеттілігін өтейді. Қорыта айтқанда, кез-келген тарихи оқиға белгілі-бір кеңістікте және белгілі-бір уақытта өтеді. Логикалық әдісті пайдаланған зерттеуші оқиғаға жүйе тұрғысынан қарап, оған құрылымды-функциялық талдау жасайды. Зерттеуші тарихилық принципін ұстана отырып, оқиғаны уақыт шеңберінде қарастырады. Яғни, алдымен оқиғаға құрылымдық және функциялық одан кейін тарихи талдаулар жасалады. Екі әдіс қатар пайдаланылады. Екеуін бірінен-бірін айырсақ зерттеу жұмысы өз нәтижесін бермейді [1, 15].

Нақтылықтан абстракцияға керісінше абстракциядан нақтылыққа бару әдісі тарихи зерттеулерде негізгі болып есептеледі. Нақтылы дегеніміз – толық танылатын болған оқиға. Абстракция дегеніміз – оқиға жөнінде толық мағлұмат жоқ, зерттеушінің ол жөнінде маңызды бірен-саран ақпараты бар. Соларды пайдаланып зерттеуші өзінің болжамын жасайды. Бұл әдістерді пайдаланудың әртүрлі жолдары бар. Бірінші тәсіл – ойға шому (отвлечение). Мұның бірнеше нұсқасы бар. Алғашқысы аналитикалық, яғни, объектінің бір ғана белгісіне тоқталу. Екіншісі – объектіге болмаған белгілерді балау немесе тану. Үшіншісі – объектіні асыра мадақтау (идеализация), бір оқиғаға баға беруде объектінің кейбір белгілерін шектен шыға бағалау [2, 23].

Оқиғаның тарихи маңызына баға беру үшін абстрактіліктен нақтылыққа бару әдістерін де пайдалану қажет. Нақтылы теориялық білім белгілі – бір деңгейде ғылыми